

По поводу предшествующих статей о В. Н. Каразинѣ.

Въ нашемъ Календарѣ на 1885 годъ, въ статьѣ „Замѣчательные уроженцы и дѣятели Харьковской губ.“, помѣщена, между прочимъ, и біографія Каразина; этотъ короткій очеркъ освѣтилъ лишь тѣ крупные факты общественной дѣятельности Каразина, которые дѣлаютъ его виднѣйшимъ изъ нашихъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей. Многіе другіе, менѣе яркіе факты умолчаны, а въ то-же время цѣликомъ осталась въ тѣни и вся интересная психологическая личность Каразина. Въ настоящей книжкѣ помѣщены выше двѣ совершенно оригинальныхъ статьи о Каразинѣ. Онѣ сообщаютъ нѣкоторые до сихъ поръ оставшіеся неизвѣстными факты изъ жизни и дѣятельности Каразина и въ то-же время, какъ та, такъ и другая въ нѣкоторой степени пытаются уяснить его личность.

Къ сожалѣнію, это уясненіе на первый взглядъ является не только не уясненіемъ, а нѣкимъ затемнѣніемъ, такъ какъ статьи эти проникнуты диаметрально противоположнымъ отношеніемъ къ личности Каразина. Является интересный вопросъ: чѣмъ обусловливается это противорѣчіе: тѣмъ ли, что одинъ изъ авторовъ, по малому знакомству съ фактами или по пристрастному къ нимъ отношенію, впалъ въ ошибку, или чѣмъ инымъ? Сколько намъ кажется, тутъ дѣло не въ ошибкѣ. Самые ближайшіе современники Каразина, люди, судившіе по нагляднымъ фактамъ и непосредственнымъ впечатлѣніямъ, внадали при оцннкѣ его личности въ то-же противорѣчіе; притомъ надо вспомнить, какъ часто люди подходили къ Каразину съ довѣріемъ и уваженіемъ, а отходили съ разочарованіемъ и сомнѣніемъ*). Очевидно, причина заключается въ личности Каразина. Да, несомнѣнно, въ самой его личности, очень сложной, полной движенія, полной противорчій, гдѣ Ормуздъ постоянно боролся съ Ариманомъ и слишкомъ часто побѣда оставалась не на сторонѣ свѣтлаго бога; для пониманія этой личности, намъ кажется очень важнымъ помнить слѣдующіе два факта изъ его біографіи. Прежде всего то, что въ его жилахъ текла южная, греческая кровь, съ которой онъ унаслѣдовалъ свою впечатлительность, предпримчивость, подвижность. Затѣмъ, то, что онъ былъ сынъ выхода и авантюриста; слѣдовательно, онъ не получилъ въ наслѣдство нравственной устойчивости, этого неопцнимаго блага, которое или дается даромъ человеку, счумѣвшему удержаться на вскормившей его почвѣ, среди родныхъ ларъ и пенатовъ, или не дается вовсе, не дается ни упорнымъ усиленіемъ мысли, ни страстнымъ стремленіемъ воли.

Нравственная личность Каразина носить на себѣ рѣдкія черты этой внутренней неустойчивости, отсутствія внутреннего центра, постоянного руководящаго нравственнаго импульса. При отсутствіи этихъ побужденій для дѣятельности, выдупаютъ на сцену узко-эгоистическіе мотивы, въ лучшемъ случаѣ то, что мы называемъ благороднымъ самолюбіемъ, честолюбіемъ, славолюбіемъ, чѣмъ, повидимому, и двигался постоянно Каразинъ. Не надо забывать также о широкой и страстной любознательности его даровитой натуры, любознательности, которая, независимо отъ всего, все-таки толкала его въ сферу высшихъ интересовъ. Но что несомнѣнно и сильно

*) См. отзывы о Каразинѣ В. Анастасевича и Г. Р. Державина, помѣщенные въ статьѣ о немъ Г. П. Данилевскаго. „Украин. Стар.“, стр. 111—122.

отразилось на жизни и дѣятельности Каразина—это вліяніе эпохи, въ которую онъ складывался: предъявляя широкій спросъ и на мысль, и на общественную инициативу, она вызвала къ жизни тѣ силы и способности, которыя иначе несомнѣнно остались бы подъ спудомъ.

„В. Н. Каразинъ“, говоритъ прот. Лащенковъ, „былъ необыкновенно смѣлый вождь народа и, что всего важнѣе, въ его-же духъ и чувства“. Нѣтъ, скажемъ мы отъ себя: Каразинъ не былъ вождемъ народа и, по своимъ нравственнымъ свойствамъ, не могъ имъ быть. Истинный вождь народа всегда долженъ имѣть право сказать о себѣ, съ поэтомъ:

Мы просто (прямо) йшли;
У насъ нема зерна неправды за собою.

А Каразинъ не имѣлъ права на это. Правда, нѣтъ такого общественнаго дѣятеля, какъ-бы ни были чисты его побужденія и безукоризненны его дѣйствія, о которомъ не распускалось-бы дурныхъ слуховъ, искажающихъ его побужденія и перетолковывающихъ дѣйствія,—это объясняется общими свойствами массовой психологіи. Но это объясненіе неприложимо къ Каразину: слишкомъ очевидны факты, говорящіе о грубыхъ недостаткахъ его нравственной личности.

И, тѣмъ не менѣе, Каразинъ, какъ былъ, такъ и остается, крупнѣйшимъ изъ нашихъ мѣстныхъ дѣятелей. Мы не можемъ, а вѣроятно и не должны, отказывать себѣ въ удовлетвореніи той духовной потребности, какая заключается для насъ въ оцѣнкѣ cadaго человѣка по его нравственной, внутренней личности, по ея побужденіямъ. Но мы не должны забывать, сколько во всякой такой оцѣнкѣ, какъ-бы глубока и непристрастна она ни была, заключается субъективно-произвольнаго. Да и помимо того, такая оцѣнка все-таки будетъ односторонняя, если человѣкъ своими дѣйствіями выходитъ въ общественную сферу: онъ долженъ судиться и по дѣйствіямъ, какъ общественный дѣятель. А съ этой точки зрѣнія врядъ-ли кто въ н. шемъ краѣ можетъ быть поставленъ рядомъ съ Каразинымъ.

Университетъ, обязанный своимъ существованіемъ исключительно Каразину, далъ такой толчекъ жизни и развитію г. Харькова, что имя Каразина никогда не забудется у насъ. Болѣе того, скажемъ: городу стыдно до сихъ поръ не почтить хоть-бы скромнымъ памятникомъ человѣка, которому онъ такъ много обязанъ.*)

Ред.

*) Вѣроятно, не всѣмъ читателямъ извѣстно, что о В. Н. Каразинѣ вспомнило одно земство и еще въ шестидесятыхъ годахъ назначило особую сумму на устройство въ Харьковѣ памятника Каразину. Этого спеціального капитала на 1 января 1886 г. значилось по книгамъ Губернской Управы 6137 руб. Если-бы городъ отъ себя прибавилъ небольшую сумму, то составилъ-бы достаточный капиталъ, хотя для скромнаго памятника. Даже мѣсто для постановки памятника было намѣчено: небольшая площадка на университетской горкѣ надъ лѣстницей, ведущей на Екатеринославскую улицу.